

Деятельность как предмет исследования социологии и ее интегративный принцип

В статье выясняется специфика социологии, состоящая в том, что по существу данная наука представляет собой теорию исторически определенных форм деятельности. На этой основе создается возможность представить социологию как систему знаний, что позволяет ей наиболее полно выполнять свои познавательные и социальные функции.

Ключевые слова: специфика науки, система, социальное взаимодействие, деятельность, цель, средства, результат.

Владимир Фетисов
профессор факультета социологии СПбГУ

Выяснение специфики каждой социогуманитарной науки — необходимое и важное условие выполнения ею своих функций. Оно, как представляется, может быть достигнуто в результате последовательного движения по схеме: объект науки — ее предмет — методы и средства исследования — содержание науки как система знаний — познавательные и социальные функции. Речь идет о характеристике каждого звена данной цепи, их связей и зависимостей, осуществляющихся как в прямом, так и в обратном направлении.

Особую сложность представляет раскрытие специфики социологии. Хотя дискуссии относительно ее приобрели хронический характер, однако они не привели к убедительному результату. Между тем потребность в нем диктуется кризисным состоянием социологии, проявляющимся в ее чрезмерной атомизации, вращением обсуждений в кругу одних и тех же антиномий ("общество — индивид", "структура — действие" и т.д.) в отрицании идеи развития и замены ее изменениями, в сведении содержания науки к истории, в низкой прогностической способности и востребованности со стороны практики...

Обращение к истокам

При раскрытии особенностей социологии, прежде всего, возникает вопрос о времени ее появления. Одни относят ее зарождение к античности, другие считают, что она возникла в XIX в. в результате усилий О. Конта, по мнению третьих, в собственном смысле слова сформировалась значительно позднее [1]. Большинство придерживается второго взгляда. Однако следует иметь в виду: Конт вывел социологию посредством дедукции из специально сконструированной системы наук. Он поместил ее на вершину пирамиды, проигнорировав другие социальные дисциплины. Акцент в ней был сделан на методах познания общества, в качестве идеала которых выступали естественные науки, доказавшие свою эффективность в исследовании природы. Контовская социология опережала свой реальный предмет и потому обосновывалась скорее гносеологически, чем онтологически. Отсюда ее обреченность на постоянные поиски своего предмета и, следовательно, собственной идентичности. Отождествление Контом общества как объекта и предмета социологии противоречило логике познания общества, заключающейся в переходе от синкретического его представления в мифологии, религии и философии к все более дифференцированному теоретическому видению.

В этой связи естественно, возникает вопрос: "Что нового появилось в общественной жизни, вызвав потребность в социологии как особой науке?" При всем обилии литературы по истории социологии трудно обнаружить достаточно полный и развернутый ответ на данный вопрос. Внимание теоретиков, как правило, сосредоточено на духовно-теоретических предпосылках ее возникновения, что же касается онтологических оснований, то они оказались на периферии их интересов. Вряд ли можно получить ответ на поставленный вопрос, анализируя

лишь частные процессы и явления. Здесь требуется более высокий уровень обобщения реальности, непосредственно прилегающей к социальной философии. Положения, являющиеся результатом такого обобщения, естественно, страдают упрощением и схематизмом, преодоление которых — прерогатива последующего конкретного исследования.

Представляется, что возникновение социологии объективно было обусловлено переходом общества от естественно-исторического к социально-историческому развитию, означавшему сложную и противоречивую трансформацию объектно-субъектных отношений в отношения субъектно-объектные. В последних все более заметную роль начинает играть целенаправленная деятельность людей, что нашло отражение в философских доктринах XIX века. Заметное выдвигание на первый план различных общностей как ее субъектов происходит именно тогда. Оно, как известно, было вызвано многими процессами, связанными с развитием капитализма: индустриализацией, урбанизацией, секуляризацией, освобождением индивидов от присущей феодализму личной зависимости, повышением степени их свободы, превращением массы населения в рабочую силу капитала. Все это нашло концентрированное выражение в пролетариате как новой исторической силы с присущим ему ростом потребностей и низким уровнем их удовлетворения, вызванным действием основного закона капиталистического производства. В то же время, по своей внутренней природе, обусловленной содержанием этого производства, пролетариат был предрасположен к консолидации в борьбе за свои интересы. Поэтому когда речь идет о возникновении социологии, то неправомерно ограничиваться анализом взглядов Сен-Симона и Конта. Понять ее становление можно учитывая многие течения того времени, среди которых особая роль принадлежит марксизму. Именно последний сумел выразить вначале в философской форме дух наступающей эпохи, а затем осуществить конкретный анализ пролетариата как ее новой самостоятельной силы.

Принципиально новый взгляд на мир нашел отражение в знаменитых "Тезисах о Фейербахе" Маркса, которые, по словам Энгельса, содержат в себе гениальный зародыш нового мировоззрения. "Философы лишь различным образом объясняли мир, — говорится там, — но дело заключается в том, чтобы изменить его" [2, с. 4]. Обычно это положение трактуется упрощенно. В действительности есть основания считать, что, во-первых, речь идет не только о философии, но и о науке в целом, которая начинает органично включаться в практико-теоретический континуум истории. Во-вторых, изменение мира возможно только на основе его глубокого и всестороннего познания. В-третьих, лишь такое познание показывает, что надо менять, а что требует сохранения и развития. Последнее обстоятельство имеет особую значимость в связи с проводимыми преобразованиями в нашей стране, приобретающими, как правило, тотальный характер.

Г.В. Плеханов, сравнивая тезисы Маркса с положением Фейербаха о том, что наше "я" познает объективный мир лишь подвергаясь его воздействию, объясняет причину различия между позициями мыслителей в гениальной поправке Маркса. Она "была подсказана "духом времени". В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между объектом и субъектом именно с той стороны, с которой субъект выступает в активной роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось миросозерцание Маркса — Энгельса" [3, с.137].

Анализ пролетариата как новой исторической силы стал возможным благодаря эмпирическому исследованию действительности. "Предпосылки, с которых мы начинаем, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в "Немецкой идеологии" — не произвольны: они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем." [3, с. 18]. Применение Марксом и Энгельсом различных методов изучения общества, среди которых важную роль играли социологические, — характерная черта их научной деятельности. Достаточно вспомнить в этом плане работу Энгельса "Положение рабочего класса в Англии".

Маркс и Энгельс раскрыли обусловленность появления рабочего класса объективной фазой развития производства, его место и роль в нем, вытекающие отсюда потребности и интересы, необходимость превращения из "класса — в — себе" в "класс — для — себя", процесс его самоидентификации. Главное заключалось в обосновании того, что он должен делать для обеспечения своих жизненных потребностей и интересов. Марксизм, таким образом, дал характеристику пролетариата как нового социального образования, объективно вынужденного действовать определенным образом и потому нуждающегося в теоретическом обосновании своей деятельности.

Другое дело, что произошедшая при этом абсолютизация дуализма "пролетариат — буржуазия" привела к игнорированию других слоев, статус и роль которых по мере развития производства и общества существенно менялся. Преобразовывался и сам пролетариат, и способы его борьбы, о чем, в частности, свидетельствуют раскол его политических партий на революционные и реформистские. Однако подход, примененный к анализу рабочего класса можно считать социологическим, отвечающим духу новой эпохи — переходу от естественно-исторического к социально-историческому развитию общества. Поэтому он может быть с поправками, учитывающими обстоятельства времени, экстраполирован на другие социальные общности.

Степень субъектности различных социальных единиц, обретения ими своей идентичности и способности соответствующим образом действовать имеет широкий диапазон, как в пространстве, так и во времени. Она определяется многими объективными и субъективными факторами.

О сложности и противоречивости данного процесса свидетельствуют индустриальная фаза в развитии общества. Машинное производство, технизация и бюрократизация общественной жизни превращали в массовом масштабе индивидов в "квази-субъектов", в функциональный придаток техники и в детали социальной машины. Для человека становилось естественным встраивание в организацию, повиновение ее программам, "бегство от свободы".

Превращение человека в реального субъекта своей жизни предполагает создание многих предпосылок, условий и средств, что связывается теоретиками с постиндустриальной стадией развития общества, с усилением в нем демократических и гражданских начал. Однако эта тенденция, как отмечалось, проявилась не сегодня. Она, в конечном счете, обусловила перенос акцента в изучении социальной реальности с внеш-

него на внутренний мир человека, о чем свидетельствует переход от позитивистской к различным вариантам "понимающей" социологии, в центре внимания которых оказались значения, смыслы, ценности... Социальная реальность, согласно этим теориям, порождается, конструируется и изменяется в результате группового сознания. И дело здесь не только в отрицании объективных закономерностей, но и в том, что субъекты деятельности сводятся к их отдельным свойствам. Аналогичный, фрагментарный подход характерен и относительно внешнего мира, что ведет к общей атомизации социологического знания.

Дифференцированный подход к реальности — закономерный процесс научного познания социума. Однако взятый сам по себе он таит опасность абсолютизации отдельных сторон, редукции социального к индивидуальному, а последнего к отдельным актам сознания. В данном плане характерно распространенное положение, согласно которому общество конструируется в ходе мыслительной деятельности. Отсюда — смещение исследовательских интересов на уровень анализа повседневности и обыденного сознания, которые отнюдь не исчерпывают всего содержания социальной жизни. Возведение в абсолют индивидов, отдельных общностей и их сознания является гипертрофированной формой признания их роли.

Однако переход от естественно-исторического к социально-историческому развитию вызывает потребность не только в дифференциации, но и в синтезе знаний, в целостном подходе, во-первых, к личности и общностям как социальным единицам и субъектам, во-вторых, к объективной реальности и, в-третьих, в раскрытии связей и взаимодействия между этими мирами. Не случайно все чаще предпринимаются попытки сблизить, "навести мосты", объединить концепции социологического реализма и номинализма.

И вновь о предмете социологии

Трансформация общества в указанном направлении высвечивает особую роль целенаправленной деятельности по отношению к внешнему миру. Различные компоненты последнего, включаясь в деятельность общностей, приобретают новые свойства, превращаются в ее предпосылки, условия и средства. При этом объективный характер истории не исчезает, ибо он определяется результатами предшествующей деятельности, воплощенными в наличных предпосылках, условиях и средствах. Тем самым выявляется их единство в результате превращения из разрозненных, самодовлеющих величин в факторы человеческой деятельности. Разнообразный мир, как созданный людьми, так и естественный подводится под общий, сопряженный с деятельностью субъектов знаменатель. Различные фрагменты мира, не теряя своих первичных свойств, приобретают вторую — социальную природу. Проблема при их исследовании состоит в том, чтобы пройти по "лезвию бритвы", не впадая в крайности — в натурализм и вульгарный социологизм.

Качественные сдвиги в соотношении объективного и субъективного миров нашли отражение в различных концепциях и дисциплинах. Однако наиболее полное и адекватное выражение, как представляется, они получают в социологии. Эти изменения — онтологическая основа, анализ которой позволяет высветить парадигмальность данной науки.

Парадигма науки, как известно, есть общее представление о ее предмете, задающее исходные принципы и методы познания, определенную трактовку содержания теорий и связей между ними. Наука становится самостоятельной тогда, когда она достигает парадигмального статуса. На первых этапах своего становления, она, по словам Т. Куна, не обладает парадигмальностью. Последняя — результат длительного развития любой научной дисциплины. Можно утверждать: социология еще не достигла своей парадигмальной зрелости, о чем говорят многочисленные дискуссии по данной проблеме.

Прежде всего речь идет о том, является ли она моно — или полипарадигмальной отраслью знаний. В литературе ставится

вопрос и о метапарадигмальности социологии, понимаемый как высокий уровень обобщения, который "предполагает вынесение за скобки не только особенностей научных школ, но и особых парадигм" [5, с.13]. Из существующих метапарадигм наиболее адекватной современной социальной реальности представляется деятельностно-активистская. Она, ставя акцент на деятельности социальных агентов, не отрицая объективные закономерности, роль структур и институтов, позволяет проанализировать процесс становления субъектно-объектных отношений в различных социальных системах и осуществить синтез макро-, мезо- и микротеорий. Данная метапарадигма по существу тяготеет к марксистскому пониманию истории. Последнее, как известно, гласит: "Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого" [4, с.119].

Особое значение в обосновании указанной метапарадигмы приобретает трактовка деятельности, которая имеет множество вариантов. Среди них следует выделить два крайних взгляда: один низводит ее до ничтожно малой величины, делая упор на объективных обстоятельствах, которые, дескать, полностью определяют характер и содержание деятельности людей. Отсюда неизбежное вытеснение ее на периферию внимания социологов. Другой — наоборот, отрывает деятельность от объективных предпосылок, условий и средств, объясняя ее протекание исключительно свойствами субъекта, подчас сводя их к биологическим и психологическим основаниям. Так, постмодернизм стремится объяснить человеческую активность устойчивыми, неизменными природными инстинктами. В действительности же она имеет двойную детерминацию, определяется и объективными, и субъективными факторами, соотношение между которыми носит исторический характер. Если воспользоваться типологией идеальных типов действий М. Вебера, то можно утверждать, что переход от традиционной к ценностно-рациональной и от нее к целерациональной деятельности означает возрастание субъектного начала.

Деятельность в общем виде определяется как специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающуюся в целесообразном изменении и преобразовании мира и самого человека. Она представляет собой процесс, включающий цель, средства и результат. Социологию интересуют не конкретное содержание различных видов деятельности, а их социальная форма, через которую проявляется социальное взаимодействие между людьми. В этом отношении особое значение приобретает ее направленность, проявляющаяся в целях, средствах и результатах.

Деятельность — важнейший, но не единственный вид социального взаимодействия. Поэтому ее нельзя рассматривать в отрыве от других его видов. Это положение нашло отражение в тезисе: социология изучает социальное взаимодействие. "К какой бы теории мы не обратились, — отмечает В.А. Ядов, — социальные взаимодействия (отношения, интеракции, коммуникации) остаются основным предметом социологической теории" [5, с.30].

Тем не менее содержание и структура взаимодействия понимаются неоднозначно. Некоторые направления сводят его к одной форме или сфере. Так, например, согласно этнометодологии социальное взаимодействие — это главным образом речевое взаимодействие, а феноменологическая социология ограничивает его кругом повседневности. Представляется, что неперенными составляющими (видами) социального взаимодействия выступают отношения, общение, включающее в себя коммуникации, поведение и деятельность. Причем последней в нем принадлежит особая роль. Во-первых, она определяется тем, что от содержания и характера деятельности основных слоев общества зависит его сохранение, воспроизводство и развитие. Причина крушения многих государств кроет-

ся, в конечном счете, в деградации деятельности его граждан, в низкой заинтересованности людей в результатах своего труда, в отчуждении, в насаждении уравнительности. Один из наглядных примеров тому — судьба советского общества. Во-вторых, ведущая роль деятельности в социальном взаимодействии проявляется в том, что она оказывает существенное влияние на другие его виды. Если вновь воспользоваться типологией социальных действий Вебера и представить в виде полюсов диапазона деятельности традиционную и целерациональную ее виды, то можно предположить, что каждый из них обуславливает соответствующие крайности в отношениях (господство и подчинение, патернализм — равноправие, партнерство), в поведении (конформизм — самостоятельность), в общении (монолог — диалог, полилог).

Что же выступает в качестве предмета социологии? Согласно взглядам Конта, как отмечалось, общество является и объектом, и предметом данной науки. Такая трактовка — дань синкретизму, уходящему своими корнями в философию. Подобное понимание предмета социологии имеет место и в наши дни. Однако оно ведет к дублированию социологией других наук и, следовательно, и утрате ею своей специфики. Между тем практика и логика познания требуют дифференцированного подхода к обществу, ко все большему расчленению его на отдельные сферы и стороны, — предметы различных наук. Отсюда идет поиск такого аспекта реальности, который не был бы "захвачен" другими дисциплинами. Не вдаваясь в их анализ, следует отметить: они ведут к тому, что реально сложившееся содержание социологии не укладывается в "прокрустово ложе", отводимое им данными определениями. Происходит разрыв между предметом науки, ее содержанием как системой знаний и функциями. Поскольку ни один из названных подходов не дает удовлетворительного результата, то многие авторы уходят от решения данной проблемы в исследование частных вопросов. Однако последние вряд ли могут получить глубокое освещение при игнорировании предмета науки, который определяет специфику ее содержания.

В действительности идет процесс дифференциации как объективного, так и субъективного миров, что находит отражение в появлении новых и обогащении традиционных наук. Вместе с тем, и это весьма существенно, имеет место и интеграция данных миров. Она осуществляется через деятельность социальных субъектов, уровень развития которых зависит от состояния социальной структуры и становления гражданского общества. Тенденция, как представляется, здесь такова: посредством сознательной, целерациональной деятельности общности преобразуют в своих интересах разнообразные структуры и институты. Так, государство превращается в социальное государство, экономика — в социально ориентированное ведение хозяйства, бизнес — в деятельность, преследующую реализацию не только частных, но и общественных интересов. Все эти процессы сложны и противоречивы, их вспышки вызывают эйфорию на одних этапах, однако нередко гаснут, как показывает история, на других.

Преобразование различных компонентов реальности в предпосылки, условия и средства жизнедеятельности большинства во многом зависит от степени социальной интеграции общества, которая в свою очередь, определяет его сферную и экологическую интеграцию. В этом плане можно констатировать: социальная поляризация современного российского общества привела к дезинтеграции, дисбалансу различных отраслей производства, к разбуханию топливно-энергетического комплекса в ущерб другим его секторам, к опасности превращения страны в сырьевой придаток Запада. Необходимая диверсификация общественного производства до сих пор остается на уровне деклараций.

Что касается экологической интеграции, то ее крайне неудовлетворительное состояние также в значительной мере определяется огромным разрывом между верхами и остальной

массой населения. Варварское отношение к природе (хищническая вырубка лесов, загрязнение почвы, водоемов и атмосферы, истребление ценных пород рыбы и редких животных...) у одних слоев вызвано стремлением к наживе, к получению прибыли, чувством вседозволенности, у других — потерей работы, материальной нуждой, необходимостью выживания.

Проблема интеграции общества органично связана с содержанием и характером деятельности людей. Социологический анализ интеграции предполагает рассмотрение ее в виде определенного диапазона, полюсами которого выступают сверхинтеграция и дезинтеграция. Достижение ее оптимального состояния необходимо потому, что оно содействует консолидации общества, обретению им самоидентичности и, следовательно, способности к рациональной деятельности, обеспечивающей его сохранение и развитие. Ни сверхинтеграция, ни дезинтеграция не могут решать данную задачу. Первая потому, что ведет к принуждению, насилию, отчуждению результатов трудовой деятельности от одних слоев в пользу других — узких, элитарных групп. Вторая — в силу внутренней центробежной природы, абсолютизации отдельными индивидами, группами и корпорациями своих интересов в ущерб интересам всего общества. События текущего года в странах Северной Африки убедительно продемонстрировали всю негативность перехода от одной крайности к другой. Главное состоит в том, что и сверхинтеграция, и дезинтеграция общества в массовом масштабе ведут к отчуждению от индивидов и общностей родовой, целерациональной деятельности, сводя ее в первом случае к простому исполнению, во втором — к вседозволенности, популистству и эгоизму, к попранию всех норм и ценностей.

Другая важнейшая характеристика деятельности общества, связанная с его социальной структурой, — степень занятости населения. Социальная поляризация общества чревата резким ее сокращением, снижением достигнутого уровня качества жизни широких слоев, что, естественно, вызывает соответствующие их действия. В этом отношении показательны массовые акции протеста, одновременно охватившие американский континент, Европу, Азию и Австралию осенью текущего года. В 950 городах, 82 странах мира люди вышли на улицы и площади, выступая против засилья финансовых структур, политики властей и поддерживаемого ими крупного капитала.

Теперь представим общество как предмет исследования социологии, имея в виду, что речь идет о высоком уровне обобщения, который в ее содержании трансформируется в дифференцированный и конкретный анализ. Видение общества сквозь призму социологии можно выразить следующим образом: объективные предпосылки, условия, средства, культура — социальная структура и институты, основные классы, слои и группы, их потребности, интересы, нормы и ценности — цели и жизненные стратегии — деятельность и ее совокупный результат. Последний в свою очередь направляется в разных пропорциях, с одной стороны, на удовлетворение потребностей и интересов различных общностей, с другой, — на совершенствование и обновление материально-технических и организационных предпосылок, условий и средств. Абсолютизация первого направления оборачивается отставанием от других стран, потерей конкурентоспособности, финансовыми кризисами, второго — снижением уровня жизни, истощением людских ресурсов, падением заинтересованности людей в результате своего труда.

Указанный подход дает целостное, специфически социологическое представление об обществе, в котором интеграция осуществляется в результате взаимодействия объективного и субъективного миров. Распространенный в настоящее время сетевой анализ социальных явлений не может его заменить ибо при всей своей важности носит частный характер.

Социологическое видение общества дает целостное представление о нем, отличающееся от синкретической его трак-

товки как простой совокупности различных сфер. Оно ориентирует исследователей не только на описание отдельных явлений и процессов, но и на раскрытие связей, взаимодействия между ними, осуществляемых в результате деятельности социальных субъектов. Тем самым высвечивается онтологическая основа конструирования содержания социологии как системы знаний. И, наконец, что не менее важно, предлагаемый подход к обществу способствует более глубокому и всестороннему раскрытию его структуры и динамики, которые кардинально меняются в современную эпоху.

От описаний и объяснений к теории деятельности

Главное заключается в том, что при данном взгляде на общество деятельность социальных субъектов ставится не впереди объективных предпосылок, условий и средств, структур и институтов, как в ряде других теорий, а позади их. Тем самым она рассматривается конкретно-исторически. Противоположное понимание на практике продемонстрировали, например, российские реформаторы 90-х гг. прошлого века. Они полагали, что крупные собственники также как и в период свободной конкуренции будут развивать производство, расширять рабочие места и т.д. Однако, как известно, эти надежды не осуществились, ибо и условия, и люди были уже другие.

Содержание социологии при данной трактовке приобретает действительно деятельностно-активистскую характеристику, ибо все ее специальные теории так или иначе, непосредственно или опосредованно сопрягаются с деятельностью индивидов и общностей, становятся ее предпосылками, условиями, средствами. Социологию в этом случае можно представить в виде концентрических кругов, находящихся на разном расстоянии от центра теорий, которые наиболее полно выражают ее специфику. В данном отношении показательны включение в орбиту социологического видения фрагментов материального мира, ресурсного обеспечения жизнедеятельности, которому все больше уделяется внимание. Если традиционно на языке социологии вещи описывались как маркеры, знаки, индикаторы социальных явлений, то теперь такой подход все меньше удовлетворяет социологов, ибо зримая и осязаемая вещь не должна, в конечном счете, редуцироваться к нематериальной социальной вещи [6, с.9]. Она должна выступать и в качестве фактора деятельности индивидов, направленной на их сохранение, воспроизводство и развитие.

Социология как система знаний в своем развитии стремится к целостности, к более конкретному раскрытию связей и взаимодействий между объективным и субъективным мирами. Степень ее конкретности выражается в том, насколько полно она раскрывает и обосновывает виды деятельности, обеспечивающие жизнь индивидов и общества. Можно утверждать, что высшим видам социальной активности является целерациональная деятельность. Поэтому задача современной социологии — ее теоретическое обоснование на макро-, мезо- и микро-уровнях. Процесс экстенсивного развития данного вида деятельности сопряжен с утверждением демократических принципов, со становлением гражданского общества. Поскольку цель — центральное звено этой деятельности, то задача заключается в раскрытии ее связей и взаимодействий, во-первых, с потребностями, интересами, нормами и ценностями субъектов, с уровнем их социального развития, во-вторых, с наличными условиями и средствами и, в-третьих, с результатами. Степень совпадения результатов с целями обеспечивается постоянной корректировкой всех звеньев деятельности. Цели не могут рассматриваться абстрактно, в отрыве от других сторон реального мира, на что обращали внимание еще классики философии. Так, например, Гегель писал о том, что цель из абстрактного стремления становится конкретной только в связи со средствами, выбранным способом действия.

Содержание социологии как системы знаний, доведенное до обоснования необходимых для сохранения, воспроизводст-

ва и развития общества видов деятельности, есть конкретное знание. Конечным критерием его конкретности выступает степень совпадения результатов с целями при условии, что практика осуществлялась на основе соответствующей теории. При этом следует отметить: при создании и реализации социальных проектов возникает проблема преодоления неопределенности, абстрактности, относительно различных звеньев деятельности. Так, если иметь в виду ожидаемые результаты деятельности, полная неопределенность существует тогда, когда оценка вероятности получения желаемого результата невозможна вследствие неполноты или ненадежности информации, воздействия случайных событий, игнорирования существенных зависимостей. В этом плане имеют место две крайности в оценке социальной реальности. Одна — объективизм, игнорирующий роль индивидов и общностей как субъектов деятельности и, следовательно, ведущий к апологетике стихийности. Другая — субъективизм, ставящий цели без учета объективных условий и средств, что, в конечном счете оборачивается утопизмом.

Динамизм современного общества предполагает постоянную корректировку тактических и стратегических целей общества, способов и средств их реализации, осуществляемую через обратные связи. В российском обществе в целях их усиления созданы Общественная палата, Общероссийский народный фронт (ОНФ), идет речь о формировании "большого правительства". Однако, как показывает практика, эти образования представляют собой скорее квазиинституты, им не удается существенно приблизить реальную политику к интересам большинства. В данном плане поучителен опыт ряда европейских стран, в которых импульс обратным связям задается вновь созданными и проходящими в результате выборов в государственные структуры партиями (например, "пираты", "зеленые" в Германии).

Трактовка общей социологии как теории социальной деятельности индивидов и общностей, направленной в конечном счете на их сохранение, воспроизводство и развитие позволяет решить две важнейшие проблемы. Во-первых, она "высвечивает" специфику данной науки, которая в результате многократного расщепления предметного поля, быстрого роста разных теорий размывается и исчезает. Во-вторых, позволяет объединить на определенном уровне обобщения весь гносеологический материал, представить его как систему знаний и, следовательно, более четко раскрыть познавательные и социальные функции социологии. Попытки преодолеть мультипарадигмальность данной науки на другой основе до сих пор не увенчались успехом. Многие вновь возникающие концепции, например, теория рисков, носят частный характер.

Системное представление общей социологии не отрицает, а, наоборот, предполагает диверсификацию знания на других, низших уровнях, способствует решению проблемы когерентности, означающему преодолению разрыва между разными уровнями анализа социальной реальности. Оно выступает ориентиром, "компасом", не позволяющим заблудиться в огромном информационном пространстве, не превратить в силу той или иной научной моды периферийные и маргинальные проблемы в центральные.

Сказанное выше позволяет сравнить социологию с медицинской, учитывая, что каждая аналогия, как гласит немецкая поговорка, "хромает". Задача медицины заключается не только в исследовании, диагностировании и лечении человека, но и в том, чтобы осуществлять профилактику, предупреждать заболевания. Медицина в узком смысле слова, следовательно, трансформируется в более широкую область деятельности — здравоохранение, где основной категорией становится не болезнь, а здоровье [7].

Нечто подобное происходит и в социологии. В значительной мере она формировалась как теория девиантного поведения и деятельности. Эта тематика остается крайне актуальной

и в настоящее время, свидетельством чему служит количество негативных отклонений в современном российском обществе. Вместе с тем социология, как представляется, по своей сути призвана исследовать общество и давать рекомендации политикам, социальным работникам и другим категориям не только по минимизации негативных отклонений, но и по созданию таких предпосылок, условий и средств, которые предупреждали бы их распространение в обществе. В противном случае приходится вести борьбу не с причинами девиаций, а с их следствиями. Происходит, таким образом, как и в здравоохранении, расширение предметного поля социологии и, следовательно, возрастание ее познавательных и социальных функций. Однако при этом специфика данной науки не размывается, а приобретает новую форму. Здесь возникает проблема обоснования гуманистических норм и ценностей, вокруг которых происходит кристаллизация гносеологического материала и на основе которых формируются цели и жизненные стратегии, подлежащие практической реализации. В данном отношении показателем индекса развития человеческого потенциала, разработанный специалистами ООН и широко применяемый для оценки уровня развития различных стран.

Таким образом, раскрытие специфики социологии предполагает исследование процесса ее становления, тех объективных условий, которые вызвали объективную потребность в данной отрасли знания. Тем самым подтверждается положение Гегеля о том, что зрелое явление можно понять на основе анализа его генезиса и тенденции предшествующего развития. Действительно, обращение к истокам социологии проясняет как ее нынешнее состояние, так и ближайшие перспективы. По мере экстенсивного и интенсивного развертывания сознательной, целерациональной деятельности людей предьявляются все большие требования к социологии как ее теории — здесь находится основной импульс для ее развития.

Вместе с тем нельзя не вспомнить и не менее знаменитый тезис Маркса о том, что ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека. Применительно к рассматриваемой проблеме это означает: уяснение специфики социологии позволяет более четко дать периодизацию ее становления, разграничить предысторию и собственно историю. Социальные учения, существовали до середины XIX века, хотя и обладали определенной степенью социологичности, но она была столь мала, что не давала оснований для их характеристики как социологических в собственном смысле слова. Различные стороны и сферы общественной жизни в силу их недостаточной зрелости не могли быть сознательно и в широком масштабе превращены в предпосылки, условия и средства деятельности по сохранению и развитию личности и общества. Отсюда акцент на объективных детерминантах бытия, принимающих форму то космоса (античность), то бога (средневековье), то государства и рынка в более поздние эпохи.

Представляют интерес в данном отношении и многочисленные утопические доктрины XVI-XIX вв. В них, как известно, выдвигались такие проекты и цели, для реализации которых не было ни необходимых условий и средств, ни соответствующих исполнителей. Все это свидетельствует о том, что сознательная, социально-ориентированная деятельность определенных общностей — результат исторического развития, который в теоретической форме нашел выражение в социологии. Характерная черта последней не только описание существующего, но и прогнозирование, устремленность в будущее. Поэтому утрата современной социологией этой проективной функции, в известной степени сопряженной с утопизмом, вызывает у ряда социологов чувство сожаления. Так, Э. Гидденс, обращаясь к социологам, пишет: "Больше нет утопических проектов, которые придали бы направленность социальным реформам и мотивирующим их идеям" (3). "Весь проект утопии, — отмечает Дж. Александер, — напротив нужно понять шире и в принципе

иначе" — а именно как постоянно "ремонтируемое" гражданское общество [9, с. 4].

Исторические волны и зигзаги, ведущие к ограничению и деформации целерациональной деятельности то ли в форме государственного социализма, административно-командной системы, то ли в виде реалий рыночного фундаментализма вытесняют на периферию научного знания социологию. Весьма близок к такому пониманию ситуации Гидденс, когда он говорит в упоминаемом выше обращении о снижении статуса социологии под воздействием экононизма и чрезмерной дробности социологического знания.

Предлагаемая трактовка социологии делает более прозрачной и широко обсуждаемую проблему ее практической востребованности. В конечном счете, потребность в данной науке определяется содержанием и характером сознательной, целенаправленной деятельности на разных уровнях. Явное преобладание частных интересов над общими, сиюминутных над долговременными, потребительства над созиданием, индивидуализма над коллективизмом — все это отодвигает на периферию научный анализ общества и тенденций его развития, процесс формирования субъектов, посредством деятельности которых они могут быть реализованы. Расхождение выдвигаемых целей и результатов — характерная черта нашей жизни. Не случайно получила широкий резонанс черномырдинская фраза: "Хотели как лучше, а получилось как всегда".

Литература:

1. История теоретической социологии. Т.1. (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе). — М., 1995
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т. 3
3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах, Т. III. — М., 1957
4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т.8
5. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российской трансформации: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии.

Бюрократизация общественной жизни, отстранение широких слоев от активной и самостоятельной деятельности, превращение их в исполнителей чужой воли фиксируется многими социологами. Так, например, Е. Омельченко пишет: "В каждом своем исследовании мы сталкиваемся с множеством молчащих (немых), не слышащих (глухих), невидимых и слепых групп. Никто, кроме нас, не может (да и не хочет) помочь им заговорить, услышать, сделать их видимыми и зрячими" [10, с. 84]. Многие группы и общности в российском обществе не способны даже инициировать обсуждение проблем, не говоря уже о возможности бороться за их решение. Происходит утрата жизненной активности значительной части населения, ее способности к целенаправленной деятельности. Россия, по словам известного экономиста А. Аузана, превращается в страну менеджеров, охранников, мигрантов, пенсионеров. Между тем процесс сохранения, а тем более развития и человека, и общества в современных условиях может быть обеспечен не иначе, как посредством социально ориентированной целерациональной деятельности, в которой все более заметную роль играют ее инновационные формы. Социология как теория деятельности должна сказать свое веское слово политикам и общественности, не дожидаясь стихийных взрывов, которые волнами прокатываются по миру, захватывая не только развивающиеся, но что весьма существенно, и развитые страны.

— СПб., 2009

6. Вахштейн В. Социология вещей и "поворот к материальному" в социальной теории // Социология вещей. — М., 2006
7. Ерохин В.Г. Деятельностный подход к теоретизации медицины // Вопросы философии, 1984, №1
8. Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социологические исследования, 2007, № 9
9. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования, 2002, № 10
10. Омельченко Е. Для кого и для чего сегодня существует социология в России // Общественная роль социологии. — М., 2008